

ТЕМА 07.00.02 Отечественная история

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-1-147-160

И. Р. Насыров

Институт философии РАН, г. Москва

АБУ ХАМИД АЛ-ГАЗАЛИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСЛАМОВЕДЕНИИ: СОВЕТСКИЙ И РАННЕПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

НАСЫРОВ Ильшат Рашитович —

д-р филос. наук, вед. науч. сотр. Институт философии Российской академии наук (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).

E-mail: ilshatn60@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние исследований творчества Абу Хамида ал-Газали (1058–1111) — крупнейшего мусульманского мыслителя, теолога и правоведа, — которые проводились в советский и постсоветский периоды отечественной истории. Изучение идей ал-Газали сохраняет свою актуальность благодаря тому, что в культурных кругах Запада (а затем и советской России) сформировалось стереотипное представление, согласно которому он сыграл большую роль в угасании потенциала рационализма на исламском Востоке и погружении мусульман в мистику. В первой части статьи рассматриваются основные подходы к изучению творчества ал-Газали и оценке его учений. Автор показывает, что отечественные исследователи добились существенного прогресса в формировании объективного представления об интеллектуальном наследии ал-Газали за счет отказа от односторонних оценок его идей, доминировавших в советском исламоведении. По их мнению, ал-Газали продолжал развивать рационалистическую линию исламской теологии (калам) и мусульманского («восточного») перипатетизма. Об исследованиях творчества ал-Газали, проводившихся в поздний советский и в постсоветский периоды в России, будет рассказано во второй части статьи.

Ключевые слова: газалиеведение, философия, теология, суфизм, рационализм, антирационализм.

Для цитирования: Насыров И. Р. Абу Хамид ал-Газали в отечественном исламоведении: советский и раннепостсоветский периоды // Ислам в современном мире. 2020; 1: 147–160;

DOI:10.22311/2074-1529-2020-16-1-147-160;

Статья поступила в редакцию: 21.10.2019

Статья принята к публикации: 09.01.2020

В России существуют давние традиции изучения творчества Абу Хамида ал-Газали. В настоящей статье автор поднимает тему исследования его трудов в советский и постсоветский периоды отечественной истории. Несколько слов о самом ученом. Абу Хамид ал-Газали (1058–1111 г.) — выдающийся исламский теолог, философ и правовед (*факих*), один из тех мыслителей, кто узнаваем и за пределами мусульманского Востока. От самих мусульман он удостоился почетного прозвища «Довод ислама» (*Худжжат ал-ислам*). Неоспоримо глубокое воздействие идейного наследия ал-Газали на различные направления научной, философской и религиозной мысли исламского мира. Он является автором многочисленных сочинений, имеющих оригинальные решения проблем теологии, философии и этики, из которых наиболее известен его энциклопедический труд «Воскрешение наук о вере» (*Ихйа' 'улум ад-дин*) (далее *Ихйа'*). Идеи ал-Газали продолжают оказывать воздействие непосредственно на арабо-мусульманскую культуру и косвенным образом — на мировую культуру в целом. Выдающийся немецкий философ Гегель был знаком с идеями ал-Газали¹.

Западноевропейскими исламоведами начиная с XIX века проделана большая работа по исследованию творчества ал-Газали. Свой вклад в газалиеведение на Западе внесли Д. Б. Макдональд, Б. Карра де Во, М. Асин Паласиос, Л. Массиньон, У. М. Уотт, Дж. Хаурани, Ф. Жабре, Абд ар-Рахман Бадави и многие другие².

В России газалиеведение — это традиция с многолетней историей. К творчеству ал-Газали, пусть и косвенно, обращались еще русские востоковеды дореволюционной России (А. Э. Шмидт и А. Е. Крымской), затем — русские и советские исламоведы В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, советские исламоведы Л. И. Климович, И. П. Петрушевский, Е. Э. Бертельс и В. К. Чалоян. Г. М. Керимов издал монографию «Газали и суфизм» (1969). В работе С. Н. Григоряна «Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока» есть глава, где изложены идеи

¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. Соч. Т. XI. М., Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 105.

² Аль-Джанаби М. М. Теология и философия ал-Газали. М.: ИД Марджани, 2010. С. 24–27.

и взгляды ал-Газали¹. Е. Э. Бертельс в своей работе «Суфизм и суфийская литература» также отвел главу для оценки роли ал-Газали в суфизме². В целом различные аспекты творчества ал-Газали получили освещение в СССР и в современной России в трудах таких исследователей, как, например, Б. Э. Быховский, И. П. Петрушевский, А. В. Сагадеев, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров, В. В. Наумкин, М. М. аль-Джанаби, А. В. Смирнов, М. Т. Степанянц, Л. Р. Сюкияйнен, А. А. Игнатенко, Т. Ибрагим, Н. В. Ефремова, Н. С. Кирабаев, А. Д. Кныш, А. А. Хисматулин, А. К. Аликберов, И. Р. Насыров и других.

При оценке вклада исламоведов России в газалиеведение следует подчеркнуть, что творчество ал-Газали рассматривалось ими в контексте многолетних дискуссий о его реальном или мнимом антирационализме. Дело в том, что с самого начала исламоведческих штудий на Западе и в России одной из обсуждаемых тем стал вопрос о причине отставания мусульманского мира от Запада. Долгое время среди западных ученых и интеллектуалов (Э. Ренан, В. Дрепер, А. Кремер, Р. Дози, А. Массэ, П. Валери, Г. Лебон, О. Шпенглер, А. Тойнби, В. Дюран и другие) была распространена точка зрения, согласно которой Запад, благодаря унаследованному от Античности способности и тяги к исследованию, является миром, преисполненным духа активности, где человек движим требованиями разума и природы, а Восток представляет мир, погруженный в покой и самосозерцание, бездеятельный и неспособный к умственной рефлексии, озабоченный прошлым и не придающий особого значения будущему³. В итоге в культурных кругах Запада укрепилось мнение, что причиной отсталости мусульманского Востока является подчинение там светского начала религиозному, науки — религии. Подобные утверждения коррелируют с другой точкой зрения, согласно которой ал-Газали чуть ли не лично способствовал своим мистицизмом угасанию потенциала рационализма у мусульман и их погружению в мистику. Вот некоторые характеристики, данные ал-Газали сторонниками такой точки зрения: «иррационалист» (Эрнст Ренан), «скептик, считавший слова пророка чистой истиной» (Гегель), «противник рационализма арабо-мусульманской философии» (Б. Э. Быховский), «главный оппонент Ибн Сины (Авиценны) в теологии» (А. В. Сагадеев), «представитель философско-реакционного обскурантизма» (Г. Лей), «философствующий теолог» (Дж. Хаурани), «тяготеющий к бездеятельности субъект с заметной долей наивности... причина спада философии на Востоке» (З. Мубарак) и т. д.⁴. Нужно ли особо говорить, что усиление

¹ Григорян С. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966.

² Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 42–43.

³ Togan, Zeki Velidi. Tarihte Usûl. İstanbul: Enderun kitabevi. 1981. S. XIII–XXVII.

⁴ Аль-Джанаби М. М. Теология и философия ал-Газали. С. 26.

в последние десятилетия политического ислама и превращение ислама в фактор мировой политики делают актуальным дискуссии о роли религии на исламском Востоке в целом и роли ал-Газали в судьбе рационалистической традиции в мире ислама в частности.

Точка зрения, что ал-Газали сыграл едва ли не ведущую роль в нивелировании рационализма у мусульман и погружении их в мистицизм и иррационализм, опирается на два положения. Во-первых, ал-Газали соединил суннитский ислам с суфизмом (Игнаций Гольдциер¹). Во-вторых, ал-Газали окончательно завершил оформление исламской ортодоксальной теологии (Р. Николсон²). У. М. Уотт полагал, что ал-Газали для защиты суннитской теологии, уже неспособной удержать свои позиции под давлением аргументов философии, изучил последнюю, чтобы опровергнуть ее³. Д. Б. Макдональд настаивал, что ал-Газали довел до конца дело ал-Ашари по оснащению мусульманской мысли греческой диалектикой⁴. В результате сложилось стереотипное представление, согласно которому ал-Газали первоначально как ашаритский теолог-мутакаллим защищал основы религии с помощью доводов разума, усвоенных им из античного наследия (аристотелевская логика), но затем разочаровался в возможностях рационализма и погрузился к мистику. Так как ал-Газали считается крупнейшим авторитетом в исламе, то для многих исследователей исламской религии и культуры он превратился в олицетворение мусульманской «ортодоксии» и стал рассматриваться как причина ослабления и упадка рационализма на исламском Востоке.

Стоит сказать, что российское исламоведение в лице его лучших представителей рассматривает ислам и творчество мусульманских мыслителей в широком историческом и социокультурном контексте. Такой подход, не отрицая роли личности в истории, выделяет в качестве ведущих причин развития государств и обществ социальные, экономические, политические и культурные факторы. Русский и советский историк и востоковед В. В. Бартольд (1869–1930) на основе исторических данных отстаивал точку зрения, согласно которой причиной впадения исламского Востока в духовный и материальный кризис начиная с XV в., являются социально-экономические факторы, а не исламская религия.

Тем не менее отечественные исламоведы в той или иной мере разделяли вышеуказанное стереотипное представление западных востоковедов об ал-Газали как о мистике и антирационалисте. Ситуация усугубилась с утверждением в России коммунистического режима. В условиях

¹ Джулджир, Иджнас (Гольдциер И.) Ал-'акида ва аш-шари'а фи-л-ислам. Каир: Дар ал-кутуб ал-хадиса би-Миср, 1959. С. 179.

² Nicholson R. A. The Mystics of Islam. London, Arkana Penguin Books, 1989. P. 24.

³ Watt W. M., *The Influence of Islam on Medieval Europe*, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1972. P. 42.

⁴ Macdonald D. B. Al-Ghazzālī // *Shorter Encyclopaedia of Islam*. Leiden, 2008. P. 160.

господства марксистской идеологии в СССР советские исламоведы обращались к проблематике философского наследия мусульманского Востока исключительно под углом рассмотрения становления и развития рационалистической, атеистической и антирелигиозной мысли в исламском мире¹. Неудивительно, что в итоге за ал-Газали закрепился образ реакционного мусульманского теолога и мистика, выступавшего против прогрессивных общественно-философских течений, и критика представителей исламского, или «восточного» перипатетизма (*фалсафа*) (Л. Климович)².

В 60–70-е годы XX в. в СССР постепенно происходит отказ советских исламоведов от представления, что основным содержанием мусульманской интеллектуальной мысли была борьба материалистической и идеалистической тенденций. Несмотря на давление официальной коммунистической идеологии, советские исламоведы вели целенаправленное исследование творческого наследия исламского Востока с целью выявления различных аспектов учений мусульманских мыслителей разных эпох и регионов мира ислама. Такие работы, как монография советского историка-востоковеда И. П. Петрушевского «Ислам в Иране в VII–XV веках» (1966), свидетельствуют о том, что в советском исламоведении шло накопление знаний о конкретных персоналиях, основных первоисточниках и религиозных и философских направлениях и школах исламского Востока. Хотя, отдавая дань господствующей идеологии, И. П. Петрушевский и пишет, что своей главной задачей ал-Газали видел превращение философии в служанку теологии, тем не менее в целом он дает взвешенную оценку взглядам этого мусульманского мыслителя. Как и указанные выше западные исламоведы (например, Р. Николсон, У. М. Уотт и Д. Б. Макдональд), И. П. Петрушевский характеризует ал-Газали как представителя умеренного (монотеистического) суфизма, примирившего исламский мистицизм с ортодоксальной теологией (*калам*) в формате ее ашаритской школы, а также как сторонника философского скептицизма, разочаровавшегося в возможности познать объективную истину на основе разума и тем не менее остававшегося под влиянием философии. Согласно И. П. Петрушевскому, ал-Газали переосмыслил ряд гностико-идеалистических идей по большей части неоплатонического происхождения для развития своих концепций в области гносеологии, онтологии и этики, как, например, учение о богоподобии (но не тождественности) души Богу. Это учение использовалось ал-Газали для обоснования возможности мистического познания. Концепция троимирия (эмпирический мир, промежуточный мир могущества

¹ Kemper M. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // Die Welt des Islam 3009. No. 49. Pp. 1–48.

² Климович Л. И. Последователь и продолжатель Ашари // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 4. — 1963. С. 30.

и божественный мир) является переосмыслением ал-Газали неоплатонических учений о бытии. С этими концепциями ал-Газали связано его учение о трех типах людей (простолюдины, теологи-мутакаллимы и высшие человеческие души, «познавшие [Бога]» (*'арифун*)) с разными способностями к познанию, превосходной степенью которого является ступень постижения «высшей истины» (Бог), божественной реальности, посредством внутреннего озарения, экстаза¹.

Как уже говорилось, советский иранист и тюрколог Е. Э. Бертельс в своей работе «Суфизм и суфийская литература» посвятил рассмотрению роли ал-Газали в суфизме отдельную главу. В ней ал-Газали рассматривается как примиритель официального правоверия с его закосневшим формализмом и суфиев, не всегда соблюдавших меру в своих учениях. Благодаря усилиям ал-Газали «создается суфизм ортодоксальный, приемлемый для верхушки духовенства»².

Г. М. Керимов в своей монографии «Аль-Газали и суфизм» (1969) считает неверными оценки ал-Газали как врага философии и рационализма. По его мнению, творчество ал-Газали следует рассматривать с учетом уровня социально-культурного и политического развития Арабского халифата в XI–XII вв. Г. Керимов полагает, что ал-Газали не подвергал философию огульной критике, более того, именно благодаря ему мусульманская теология обрела научно-методологический аппарат. Одновременно ал-Газали легализовал философию в системе знания своей эпохи и сыграл важную роль в развитии философских вопросов. Также ал-Газали предвосхитил методологический принцип сомнения Декарта. Критикуя философию, ал-Газали не отвергал науку (естествознание, медицина и т. д.). Г. М. Керимов настаивает, что упадок философии на исламском Востоке нельзя связывать исключительно с влиянием сочинений ал-Газали. В целом культурное отставание мира ислама следует объяснять социальными и историческими причинами (монгольское нашествие, застойный характер феодализма и т. д.). Что касается суфизма, то Г. М. Керимов считает, что ал-Газали реформировал его и сделал приемлемым для шариата. Ал-Газали не противопоставлял опыт мистического мировидения шариату, поскольку последний превосходит первое. Ал-Газали полагал, что суфийское учение будет иметь прочную основу только в том случае, если станет опираться на Коран и Сунну (мусульманское предание о словах и поступках пророка Мухаммада)³.

В 80–90-е годы XX в. в исследованиях советских и российских специалистов получил развитие новый подход к творчеству ал-Газали. Был поставлен под сомнение распространенный в течение десятилетий

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. 2-е изд. / под ред. В. Н. Беляева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 235–246.

² Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. М.: Наука, 1965. С. 42–43.

³ Керимов Г. М. Аль-Газали и суфизм. Баку: «Элм», 1969. С. 96.

в европейском востоковедении взгляд на ал-Газали как на «сокрушителя философов», человека, который якобы свел на нет роль философов в Арабском халифате, укрепились позиции сторонников объективного подхода в исследовании творчества «Довода ислама». Началась переоценка стереотипного представления об ал-Газали как об «ортодоксальном» теологе-ашарите, нанесшем смертельный удар по философии на исламском Востоке и способствовавшем погружению мусульман в мистику и обскурантизм.

Положительно повлияли на пересмотр стереотипных оценок творчества ал-Газали работы С. М. Прозорова — видного советского и российского арабиста, специалиста по истории исламской религиозной и богословской мысли, и советского и российского философа и арабиста А. В. Сагадеева. С. М. Прозоров опубликовал комментированный перевод доксографической работы аш-Шахрастани «Книга религий и сект» (*Китаб ал-милал ва-н-нихал*)¹. Исследование С. М. Прозоровым исламской доктринальной мысли, в том числе ашаритской школы мусульманской рациональной теологии (*калам*), позволило лучше понять идейное наследие ашарита ал-Газали. С. М. Прозоров также является автором комментированного перевода двух первых глав «Основ вероучения» из первой четверти сочинения ал-Газали «Воскрешение наук о вере» (*Ихйа'*)². С. М. Прозоров — составитель и ответственный редактор энциклопедического словаря «Ислам» (далее ИЭС) (1991), в котором в том числе присутствуют статьи, посвященные различным аспектам творчества ал-Газали³. А. В. Сагадеев перевел ряд произведений крупнейших арабо-мусульманских философов — ал-Фараби, ал-Кинди, Ибн Сины, Ибн Баджи, Ибн Рушда, ас-Сухраварди, а также трактат ал-Газали «Избавляющий от заблуждения» (*Мункиз мин ад-далал*). Он перевел фрагменты сочинения Ибн Рушда «Опровержение опровержения» (*Тахафут ат-тахафут*), написанного видным представителем восточного перипатетизма в мусульманской Испании в качестве ответа на критику Абу Хамидом ал-Газали арабо-мусульманских философов *фаласифа* за их неспособность совместить метафизику со Священной книгой ислама (Коран)⁴. Работы С. М. Прозорова и А. В. Сагадеева способствовали определению действительного места ал-Газали в теологическом и философском наследии исламского Востока, выявлению

¹ *Аш-Шахрастани, Мухаммад*. Книга о религиях и сектах (*Китаб ал-милал ва-н-нихал*). Ч. 1. Ислам / пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1984.

² «Основы вероучения» Абу Хамида аль-Газали / коммент. пер. с араб. С. М. Прозорова // *Письменные памятники Востока*. 2006. № 2(5). С. 57–80.

³ *Ислам: энциклопедический словарь* / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.

⁴ *Ибн Рушд*. Опровержение опровержения (фрагменты) / пер. А. И. Рубина и А. В. Сагадеева // *Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв.* М.: Соцэкгиз, 1961. С. 399–554.

источков его творчества и объективной оценке степени влияния разработанных им концепций на интеллектуальную жизнь мира ислама. А. В. Сагадеев внес большой вклад в формирование добротной основы для исследований в России философской мысли исламского Востока, подготовил ряд специалистов, которые продолжили и развили идеи и замыслы своего учителя (Т. Ибрагим, Н. С. Кирабаев и др.).

Советские и российские исследователи В. В. Наумкин, Т. Ибрагим, А. А. Игнатенко, Н. С. Кирабаев и М. М. аль-Джанаби полагают несостоятельными обвинения ал-Газали в нивелировании потенциала рационализма в мусульманской культуре¹. Причины ошибочной интерпретации отношения ал-Газали к философии и к рационализму заключаются, во-первых, в неверной оценке ашаризма как ортодоксии ислама (Т. Ибрагим), во-вторых, в неверном отождествлении Газалиевой критики философии за доктринерство с критикой рационализма вообще (М. М. аль-Джанаби, А. А. Игнатенко, Н. С. Кирабаев, В. В. Наумкин).

В 80-е гг. XX в. большой вклад в развитие истории философии исламского Востока и исследование творчества ал-Газали внес В. В. Наумкин (Институт востоковедения РАН), видный советский и российский историк-востоковед и арабист, доктор исторических наук и академик РАН. Им был выполнен и опубликован в 1980 г. комментированный перевод некоторых глав произведения ал-Газали «Воскрешение наук о вере» (*Ихйа' 'улум ад-дин*). Его перевод предваряется большой вводной статьей. Перевод В. В. Наумкиным фрагментов сочинения ал-Газали и анализ его учения и сегодня остаются образцом академического исследования. Также В. В. Наумкиным переведено и издано на русском языке еще одно произведение ал-Газали — «Правильные весы» (*Ал-Кустас ал-мустахим*) (2008)².

Исследование учения ал-Газали В. В. Наумкин осуществляет не только на основе анализа главного сочинения ал-Газали — «Воскрешение наук о вере» (*Ихйа'*), но и других его трактатов. Разделяя мнение многих исследователей, что система ал-Газали была направлена на примирение двух противоположных систем (суфизм и ортодоксальный суннизм), В. В. Наумкин настаивает на необходимости выявления способов, с помощью которых ал-Газали пытался соединить ценности суннизма и суфизма в своей интегральной системе. В доктрине ал-Газали, по мнению В. В. Наумкина,

¹ Ибрагим Т. К. О каламе как «ортодоксальной философии» ислама / Народы Азии и Африки. 1986. № 3. С. 205–212; Игнатенко А. Зеркало ислама. М.: Русский институт, 2004. С. 95; Кирабаев Н. С., аль-Джанаби М. Знание и вера в философии ал-Газали // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература, 2008. С. 163–171; Kirabaev N. S., al-Janabi M. Faith and Reason in the Thought of al-Ghazali / Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures. Cultural Heritage and Contemporary Change. Series IVA, Eastern and Central Europe; V. 39. Washington, D.C.: The Council for Research in Values and Philosophy, 2011. Pp. 143–150.

² Абу Хамид аль-Газали. Правильные весы (ал-Кустас ал-мустахим). Исследование, перевод и комментарий В. В. Наумкина. М.: Институт востоковедения, 2008.

соединены все три главных направления мусульманской мысли — традиционализм, рационализм и мистицизм¹.

В центре внимания ал-Газали находится индивидуальный человек. Действительной его задачей, по мнению В. В. Наумкина, было создание новой идеологической системы социального регулирования посредством реформации ислама. Задача его сочинения «Ихйа'» — попытка кодифицировать сдвиги, произошедшие в социальной, экономической и духовной жизни Халифата². Задача ал-Газали — примирить противоположные идейные тенденции в обществе, где доминировала религия, и снять остроту социальных и идейных противоречий в Арабском халифате.

По мнению В. В. Наумкина, интегральная система ал-Газали включает учения о бытии, познании и о человеке (антропология). Он выделяет принципы, которые организуют онтологические, гносеологические и этические взгляды ал-Газали. Первым принципом является дихотомия, выделение антитезных пар, двоичное членение объекта познания и дуалистическое противопоставление двух начал, что было характерно для античной Греции и Востока — древней Индии, Китая и стран Передней Азии. Бинарные оппозиции в главном трактате ал-Газали «Ихйа'» можно найти на языковом уровне («явное»–«скрытое» (*захир*–*батин*), «исчезновение–пребывание» (*фана'*–*бака'*) и т. д.; в космологии — «чувственный мир–божественный мир» (*мулк*–*малакут*), в онтологии — «акциденция–субстанция», «атрибут–сущность» (*'ард*–*джавхар*, *сиф*–*зат*) и т. д.; в антропологии — «человеческое начало–божественное начало» (*насут*–*лахут*) и т. д.; в этике — «подчинение–свобода воли» (*джабр*–*ихтийар*) и т. д. Другим методологическим принципом ал-Газали является триадность структур, трехчленная конструкция, используемая им, во-первых, для триадного членения объекта, когда элементы образуют систему без иерархии или противопоставления, во-вторых, в его учении о трех мирах, где антиномия двух начал (чувственный мир и божественный мир) разрешаются в третьем (духовный мир).

В. В. Наумкин признает сходство космологии ал-Газали (Аллах — малакут — джабарут — мулк) с неоплатоническим учением о сущем (Единое — Ум — Душа — Материя указывает на параллели с учением псевдо-Дионисия Ареопагита. Но В. В. Наумкин возражает против редукции концепций ал-Газали к античным учениям, полагая, что космология ал-Газали (учение о троимирии) восходит к древним представлениям самих арабов, к древним космологиям народов Востока, ссылаясь на то, что идею множественности миров воспроизводили все мифы

¹ *Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение наук о вере* (Ихйа' 'улум ад-дин). Избранные главы / пер. с араб., иссл. и коммент. В. В. Наумкина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 86.

² *Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение наук о вере* (Ихйа' 'улум ад-дин). С. 82.

древности независимо друг от друга, то есть космологические мифы народов Севера, Мезаамерики, Месопотамии, Ирана, Индии и Китая. Другими словами, существует общетипологический характер членения мира на три сферы. Триадный принцип также характерен не только для онтологии, но и для учения ал-Газали о человеке как микрокосме. Здесь можно обнаружить опосредованное (через неоплатонизм) влияние Платона на арабо-мусульманскую религиозно-философскую мысль. Речь идет о платоновском учении о микрокосме — идее, развиваемой Платоном в его «Тимее», и обнаруживаемой в Газалиевой концепции человека, соединяющего два начала (материальное и идеальное), и в его сотериологии (приобщение человека к божеству как условие спасения).

Учение о познании ал-Газали, пишет В. В. Наумкин, интересно тем, что из скептицизма мыслителя выросли две противоположные тенденции его гносеологии — рационалистическая и мистическая. Знание явлений материального мира, или материальных подобий «таинственных сущностей», подчинено подлинной задаче — интуитивному богопознанию. Высшая способность человека, мистическое внутреннее зрение, стоит выше сферы знания. То есть скепсис ал-Газали служит сотериологии, учению о мистическом приобщении человека к божественному миру как условию спасения. Именно в свете учения ал-Газали о познании следует понимать критику им причинности. В. В. Наумкин полагает, что отрицательное отношение ал-Газали к механистической концепции причинности и его индетерминизм не были связаны только с утилитарной защитой религиозного положения о божечудотворце. Критика ал-Газали примитивного детерминизма предшествующей арабо-мусульманской мысли была позитивной в том смысле, что ставила вопрос о недостоверности знания, стимулировала эпистемологическую проблематику.

В. В. Наумкин проводит детальный анализ этической проблематики в сочинении ал-Газали «Ихйа'». Основной мотив ал-Газали: уважение к законности должно быть уравновешено уважением к внутреннему миру человека, работой по «очищению» сердца ради достижения состояния присутствия при Боге, искренности в намерениях и чистосердечия в делах. Идея «высшего состояния» (*хал*), которое реализуется через безусловное исполнение действия, диктуемого знанием, полученным от Бога (опосредствованным (через Коран и Сунну) или непосредственным путем (мистическое озарение)), служит эталоном в системе поведенческих предписаний ал-Газали¹.

Подводя предварительные итоги, отметим следующее. Уже в дореволюционной России возникает традиция по изучению творческого

---

¹ Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение наук о вере» (Ихйа' 'улум ад-дин). С. 83.

наследия ал-Газали, выдающегося средневекового мусульманского мыслителя. Долгое время русские и советские исламоведы разделяли стереотипное представление своих западных коллег о нем как антирационалисте. **Начиная со второй половины XX в.** отечественные исследователи начинают пересматривать привычные оценки творчества ал-Газали. Их исследования показали, что ал-Газали не отвергал философию, напротив, он продолжал развивать рационалистическую линию мусульманского богословия (*калам*) и арабо-мусульманского перипатетизма (*фалсафа*).

Литература

Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. Т. 3. М.: Наука, 1965. 524 с.

Аль-Газали А. Х. «Основы вероучения» Абу Хамида аль-Газали. Комментированный перевод с арабского С. М. Прозорова / Письменные памятники Востока. 2006. № 2(5). С. 57–80.

Абу Хамид аль-Газали. Правильные весы (ал-Кустас ал-мустаким) // иссл., пер. и коммент. В. В. Наумкина. М.: Институт востоковедения, 2008. 134 с.

Аль-Газали — Абу Хамид аль-Газали. Воскрешение наук о вере. (Ихйа' 'улум ад-дин). Избранные главы / пер. с араб., иссл. и коммент. В. В. Наумкина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. 376 с.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Соч. Т. XI. Кн. 3. М.—Л.: Соцэкгиз, 1935. 527 с.

Григорян С. Н. Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966. 351 с.

Аль-Джанаби М. М. Теология и философия ал-Газали. М.: ИД Марджани, 2010. 240 с.

Джулджир, Иджнас (Гольдциер И.) Ал-'акида ва аш-шари'а фи-л-ислам. Каир: Дар ал-кутуб ал-хадиса би-Миср, 1959. 408 с.

Ибн Рушд. Опровержение опровержения (фрагменты) / пер. А. И. Рубина и А. В. Сагадеева // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 399–554.

Ибрагим Т. К. О каламе как «ортодоксальной философии» ислама / Народы Азии и Африки. 1986. № 3. С. 205–212.

Игнатенко А. Зеркало ислама. М.: Русский институт, 2004. 216 с.

Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.

Керимов Г. М. Аль-Газали и суфизм. Баку: «Элм», 1969. 109 с.

Кирабаев Н. С., аль-Джанаби М. Знание и вера в философии ал-Газали // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература, 2008. С. 163–171.

Климович Л. И. Последователь и продолжатель Ашари // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Т. 4. 1963. С. 30.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций / под ред. В. Н. Беляева. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 428 с.

Аш-Шахрастани, Мухаммад. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч. 1. Ислам / пер. с араб., введ. и коммент. С. М. Прозорова. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1984. 272 с.

Kemper M. The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 // *Die Welt des Islams*. 2009. No. 49(1). Pp. 1–48.

Kirabaev N. S., al-Janabi M. Faith and Reason in the Thought of al-Ghazali / Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures (Cultural Heritage and Contemporary Change. Series IVA, Eastern and Central Europe; V. 39). Washington, D.C.: The Council for Research in Values and Philosophy, 2011. Pp. 143–150.

Macdonald D. B. Al-Ghazzālī // *Shorter Encyclopaedia of Islam*. Leiden, 2008. P. 160.

Nicholson R. A. The Mystics of Islam. London, Arkana Penguin Books, 1989. vii, 178 p.

Togan, Zeki Velidî. Tarihte Usûl. Istanbul: Enderun kitabevi. 1981. 350 s.

Watt W. M. The Influence of Islam on Medieval Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1972. viii, 125 p.

References

Bertel's E. E. (1965). *Sufizm i sufijskaya literatura. Izbrannye trudy*. [Sufism and Sufi Literature. Selected works]. Vol. 3. Moscow. 524 p.

Al-Gazali A. H. (2006). Osnovy veroucheniya Abu Hamida al-Gazali [The Foundations of the Religious Doctrine by Abu Hamid al-Gazali]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. Vol. 2 (5). Autumn — Winter 2006. Pp. 57–80.

Al-Ghazali Abu Hamid (2008). *Pravil'niye vesy (al-Qustas al-Mustaqim)* [The Right Balance]. Moscow: IV RAN, 2008. 134 p.

Al-Gazali Abu Hamid (1980). *Voskreshenie nauk o vere (Ikhia' 'ulum ad-din)*. *Izbrannye glavy* [The Revival of Religious Sciences (Ihya' 'Ulum al-Din). Selected Chapters]. Moscow: Nauka. 376 p.

Grigoryan S. N. (1966). *Srednevekovaya filosofiya narodov Blizhnego i Srednego Vostoka* [Medieval Philosophy of Peoples of Near and Middle East]. Moscow: Nauka. 351 p.

Al-Janabi M. M. (2010). *Teologiya i filosofiya al-Ghazali* [The Theology and Philosophy of al-Ghazali]. Moscow: Mardzhani. 240 p.

Goldziher I. (1958). *Al-ʿAqida wa al-Shariʿa fi al-Islam* [The Creed and Religious Law in Islam]. Baghdad: Dar al-kutub al-haditha. 408 p.

Hegel G. W. F. (1935). *Lekcii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Section III. Vol. XI. Moscow — Leningrad: Socekiz. 527 p.

Ibn Rushd (1961). *Oproverzhenie oproverzheniya* (fragments) [The Incoherence of the Incoherence (fragments)]. *Izbrannye proizvedeniya mystitelej stran Blizhnego i Srednego Vostoka (IX–XIV veka)*. Moscow: Socekiz. Pp. 399–554.

Ibragim T. (1986). “O kalame kak ‘ortodoksal’noi filosofii’ islama” [On Kalam as ‘Orthodox Philosophy’ of Islam]. *Narody Azii i Afriki*. 1986. No 3. Pp. 205–212.

Ignatenko A. (2004). *Zerkalo islama* [The Mirror of Islam]. Moscow: Russkii institut. 216 p.

Islam: Entsiklopedicheskii slovarʼ [Islam: Encyclopaedic Dictionary] (1991). Moscow: Vostochnaya literatura. 315 p.

Kemper M. (2009). The Soviet Discourse on the Origin and Class Character of Islam, 1923–1933 / *Die Welt des Islams*. Vol. 49. No. 1. Pp. 1–48.

Kerimov G. M. (1969). *Al-Gazali i sufizm* [Al-Ghazali and Sufism]. Baku: Elm. 109 p.

Kirabaev N. S., al-Janabi M. (2011). Faith and Reason in the Thought of al-Ghazali. *Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures (Cultural Heritage and Contemporary Change)*. Series IVA, Eastern and Central Europe; V. 39). Washington, D.C.: The Council for Research in Values and Philosophy. Pp. 143–150.

Kirabaev N. S., Al-Janabi M. (2008). Znanie i vera v filosofii al-Gazali [Faith and Reason in the Thought of al-Ghazali]. *Sravnitelʼnaya filosofia: znanie i vera v kontekste dialoga*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publishers, 2008. Pp. 163–171.

Klimovich L. I. (1963). Posledovatelʼ i prodolzhatelʼ ʿAshari [The Follower and successor of al-ʿAshari]. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya*. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. Vol. 4. S. 30.

Macdonald D. B. (2008). Al-Ghazzālī. *Shorter Encyclopaedia of Islam*. Leiden, 2008. P. 160.

Nicholson R. A. (1989). *The Mystics of Islam*. London: Arkana Penguin Books. 178 p.

Petrushevskij I. P. (2007). *Islam v Irane v VII–XV vekah: Kurs lekcij*. [Islam in Iran in the VII–XV centuries]. Saint Petersburg: SPbGU. 428 p.

Al-Shakhrastani (1984). *Kniga o religiiakh i sektakh (Kitab al-milal va-n-nikhal)* [Book of religious and philosophical sects]. Moscow: Nauka. 272 p.

Togan Zeki Velidi (1981). *Tarihte Usûl* [Basic History] (in Turkish). Istanbul: Enderun kitabevi. 350 s.

Watt W. M. (1972). *The Influence of Islam on Medieval Europe*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 125 p.

ABU HAMID AL-GHAZALI IN RUSSIAN ISLAMOLOGY: SOVIET AND EARLY POST-SOVIET PERIOD

Abstract. The article provides a comprehensive picture of the state of research on the thought of Abu Hamid al-Ghazali (1058–1111), the greatest Islamic jurist, theologian and thinker, in Soviet and Post-Soviet Russia. The research is important because there is a widespread stereotypical view in the West and Russia that the decline of rationalism in the Muslim world and strengthening of Mysticism is due to al-Ghazali. The first part of the article traces down a number of research projects carried out during the aforementioned period, the dominant research trends and different approaches to al-Ghazali's thought in general and certain his teachings. The author demonstrates that Soviet and Russian researchers have made a substantial progress in studying the intellectual legacy of al-Ghazali due to forsaking the one-sided approach that prevailed in Marxist Oriental studies during the Soviet era. According to their views, al-Ghazali developed a rationalistic trend of the Islamic Theology (Kalam) and Muslim Peripatetic Philosophy. Studies on al-Ghazali carried out in the late Soviet era and in Post-Soviet Russia will be analyzed in the second part of the paper.

Keywords: studies on al-Ghazali, philosophy, theology, Sufism, rationalism, irrationalism.

Ilshat R. NASYROV,

D. Sci. (Philos.), chief research fellow. Institute
of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

(Bld. 1, 12, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: ilshatn60@mail.ru

